

лублиния в литературную старину эти жанровые нормативы предстают перед нами как все более жесткие и устойчивые. Достаточно вспомнить о жанровых структурах романтизма, а затем классицизма. По-видимому, предшествующие им переходные эпохи барочного и ренессансного типа основательно поколебали зависимость литературного творчества от жанровых схем, но и сами они оказались не свободными от восприятия и переработки более ранних жанровых традиций, т. е. традиций средневековых.

Обратившись к средневековым литературам Европы, можно убедиться в том, что при всем их разнообразии в целом они по сравнению с литературами нового времени обладали более отчетливо выраженной социально-типовой структурой, которая определялась главным образом теми или иными нормами корпоративной поэтики. Наиболее наглядно это выявилось в западноевропейских феодальных странах, где общественная борьба получала литературное выражение преимущественно в форме столкновения противоположно ориентированных, но структурно однородных жанров (например, эпос бюргерства против эпоса рыцарства, майстерзанг против миннезанга, поэзия вагантов против схоластической поэзии). В таких условиях направляющей формой литературного творчества стало развитие жанров более или менее обособленных и устойчивых, каждый из которых отвечал идейно-эстетическим потребностям определенной сословно-корпоративной среды. Функции жанра долгое время были и литературными, и внелитературными (например, религиозными, историческими, воинскими, ритуально-бытовыми). Таким задачам отвечали жития святых, хроники и летописи, героический эпос, придворная лирика, городская новелла и т. д. Развитие сюжетов и стилей по преимуществу было связано с эволюцией жанровых структур.

Однако с приближением периода, переходного от феодальной формации к буржуазной, и вместе с ним периода формирования наций эта старая жанровая типология стала изменяться. В Западной Европе несколько раньше, а в Восточной Европе позже литературы начали все более обретать свою собственную художественную специфику и освобождалась от связывавших их внелитературных функций. Этот процесс постепенной индивидуализации авторского творчества, обращения писателя уже не к узкой корпоративной среде, а к читающей публике неизбежно повлиял на преобразование жанровых традиций. В это время в ряде случаев новые литературные жанры начинали вырастать из старых, полулитературных жанров.

В западноевропейских странах подобного рода процессы наблюдались, по-видимому, со времен позднего средневековья и до позднего Возрождения. Ранним результатом подобных внутрижанровых преобразований явилась «Божественная комедия» Данте, новаторски видоизменившая древнейший жанр христианских «видений» (не чуждый, как известно, и древнерусской литературе — «Хождение Богородицы по мукам», XII в.). Из поздних явлений того же порядка всем памятен «Дон Кихот» Сервантеса, построившего свою гуманистическую проблематику в форме пародии на старые рыцарские романы. Возможно, именно последнее обстоятельство было одной из причин недооценки современниками этого вечного произведения. Известно также, что глубочайшие трагедии Шекспира на исторические темы, его «хроники», во многом зависели от английской историографии XVI в., не утратившей еще связей со средневековой хронографией. Принципиальная новизна всех этих неповторимых литературных явлений едва ли может быть оценена во всей полноте без учета их тематической и жанровой преемственности по отношению к старым традициям, из которых они исходили и с которыми они боролись.

В восточно- и южноевропейских странах по ряду исторических причин (включающих географические, экономические и политические факторы развития, а также турецкое и татаро-монгольское завоевания) феодальное средневековье затянулось, и культура «бюргерского» типа стала складываться сравнительно поздно. Специалистам разных гуманитарных наук